

УДК 177.5

DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-4-15

**СВОБОДНО ЛИ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОТ ГЕНДЕРНЫХ МАРКЕРОВ?
(НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ВУЗОВ)**

А. В. Бабаева^{1}, М. Ю. Шляхов²*

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

**e-mail: dff1890@yandex.ru*

²*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение: целью данной статьи является презентация исследования, выполненного на базе Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет). В центре исследования стояла проблема чувствительности академического пространства российского вуза к гендерным аспектам, а также выявления степени актуальности гендерных характеристик в выборе коммуникативных стратегий нижегородского студенчества.

Материалы и методы: основной для статьи послужили работы отечественных и зарубежных авторов, подходивших к проблеме «гендер и образование» с различных позиций (психологических, педагогических, социологических). С учетом данных наработок авторами статьи была разработана анкета и проведено социологическое исследование, нацеленное на выявление фактов гендерной асимметрии в пространстве вуза и на отслеживание степени комфортности участников коммуникации при наличии таковых.

Результаты исследования: в статье представлены результаты первичного анализа эмпирических данных. Анкетирование, в котором участвовали студенты трех нижегородских вузов, показало «сложное» отношение учащейся молодежи к гендерным проблемам и их проявлениям в социальных практиках в целом. Вуз трактовался нами как в достаточной степени свободное коммуникативное пространство, которое в силу решения учебных, профессиональных и научных задач, минимизирует различного рода социальные и морфологические факторы. Предварительные результаты исследования демонстрируют, что стены университета вовсе не лишены различных форм и механик дискриминации по гендерному признаку. Разные сферы деятельности в вузовском пространстве являют собой различную степень выраженности гендерного дисбаланса: деловые и профессиональные отношения, как показали результаты, имеют меньшую привязку к фенотипу по сравнению с дружескими контактами. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что студенты гендерную асимметрию воспринимают как неотъемлемую и необходимую составляющую современной культуры.

Обсуждения и заключения: первичный анализ результатов исследования выявил существенные противоречия в сознании российских студентов как в вопросах, связанных с

Social philosophy

гендерной идентификацией, так и с описанием субъективного отношения от пребывания в гендерно-чувствительном пространстве.

Ключевые слова: коммуникативное пространство вуза, гендер, студенты, феминное, маскулинное, анкета, респонденты.

Для цитирования: Бабаева А.В., Шляхов М.Ю. Свободно ли пространство российского университета от гендерных маркеров? (на примере нижегородских вузов) // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, №4. С 15.

IS THE SPACE OF THE RUSSIAN UNIVERSITY FREE FROM GENDER MARKERS? (ON THE EXAMPLE OF NIZHNY NOVGOROD UNIVERSITIES)

A. V. Babaeva^{1}, M. Y. Shlyakhov²*

*¹Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

**e-mail: dff1890@yandex.ru*

*²Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction: the Purpose of this article is to present the research carried out on the basis of Minin University. The research focused on the problem of the sensitivity of the academic space of the Russian University to gender aspects, as well as the identification of the degree of relevance of gender characteristics in the choice of communication strategies of Nizhny Novgorod students.

Materials and methods: the main for the article were the works of domestic and foreign authors who approached the problem of "gender and education" from various positions (psychological, pedagogical, sociological). Taking into account these developments, the authors of the article developed a questionnaire and conducted a sociological study aimed at identifying the facts of gender asymmetry in the space of the University and tracking the degree of comfort of communication participants, if any.

Results: the article presents the results of the primary analysis of empirical data. The survey, which was attended by students of three Nizhny Novgorod universities, showed a "complex" attitude of students to gender issues and their manifestations in social practices in General. The UNIVERSITY was interpreted by us as a sufficiently free communicative space, which, due to the solution of educational, professional and scientific problems, minimizes various social and morphological factors. The preliminary results of the study show that the walls of the University are not devoid of various forms and mechanics of gender discrimination. Different spheres of activity in the higher education space represent a different degree of severity of the gender imbalance: the business and professional relationships, as shown by the results, have a lower binding phenotype compared to friendly contacts. The results allow us to conclude that students perceive gender asymmetry as an integral and necessary component of modern culture.

Discussion and conclusions: the primary analysis of the results of the study revealed significant contradictions in the minds of Russian students, in issues related to both gender identification and the description of the subjective attitude of being in a gender – sensitive space.

Keywords: communicative space of the University, gender, students, feminine, masculine, the questionnaire, the respondents.

For citation: Babaeva A.V., Shlyakhov M.Y. Is the space of the Russian University free from gender markers? (on the example of Nizhny Novgorod universities) // Vestnik of Minin University. 2018. Vol. 6, no. 4. P 15.

Введение

Историософские концепции, грезившие концом времен, пророчили рождение нового общества, где социальные и морфологические различия, рассматривавшиеся в традиционных культурах основой угнетения и изоляции групп и общностей, постепенно будут смягчаться или преодолеваются. Наиболее радикальные направления развивали(ют) идеи, согласно которым все, что препятствует интеграции человечества и реализации его творческого потенциала, должно быть рано или поздно устранено. Те же препятствия консолидации и инклюзии, которые оказываются не устранимыми идеологически или структурно, предлагается корректировать посредством технологий. В этом смысле возникновение движения постгендеризма [21, 23], постулирующего устранение пола (и гендера) как преграду эволюции человеческой формы существования, выглядит весьма симптоматичным.

Конечно, для реализации подобных планов время еще не пришло, однако необходимо признать, что в жизни современного западного общества гендерная характеристика индивида часто рассматривается как пустая, если не сказать больше: гендер трактуется как излишек, который затемняет личностные параметры, уводит от сущностных характеристик человека, вследствие чего само понятие «гендер» приобретает негативную коннотацию и его применение расценивается как уничижающее человеческое достоинство (радикальный подход).

В данной статье мы не ставим задачу давать оценку подобного рода идеям. Для нас важен сам факт дискредитации гендера, причём мы имеем в виду не эпистемологическую судьбу термина (хотя это тоже серьезная научная и политико-правовая проблема) [15, 21, 31], а его реальное использование в качестве идентификационного маркера. В современных условиях попытка «устранить» гендер не означает полное отрицание когнитивных, физических или психологических отличий между представителями разных фенотипов, а скорее мыслится как требование смягчения, выравнивания или компенсации естественных, природных отличий культурой.

Но одно дело дискуссии в академической среде, провокационные тексты в научной публицистике, художественные эксперименты, выливающиеся в требование «проявлять больше заботы о разновидностях как совокупностях (а не об отдельных видах)» [22]. И другое дело реальные социальные практики, где протекают взаимодействия людей, сознание которых «обременено» конкретным жизненным опытом, багажом социокультурных кодов, формализованными нормами и т.п.

В этой связи и был задан вопрос, на который мы попытаемся ответить в данной статье: насколько представители современного российского общества являются «постчеловеками», как далеко наше общество вступило в постисторическую эпоху и насколько разделяет постидеологические посылы западных интеллектуалов в отношении пола и гендера? Очевидно, чтобы релевантно ответить на поставленный вопрос, теоретические построения необходимо дополнить результатами полевых социологических исследований. В этой связи инициативной исследовательской группой факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина в 2018 году была разработана анкета для студенческой молодёжи Нижнего Новгорода, в центре которой стояла проблема отслеживания степени влияния гендерных стереотипов на межличностные отношения в студенческой среде и определение субъективного отношения респондентов к наличию таковых в пространстве вуза.

Обзор литературы

Необходимо отметить, что исследований гендерных проблем в рамках университетской среды по сей день немного. Такие отечественные исследователи, как Т.П. Авдулова, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, И.С. Кон, Д.В. Колесов, А.Е. Ольшанникова и др. [1, 3, 6, 8, 9, 11, 13, 25], в большей степени сосредотачивают внимание на логике усвоения гендерных нормативов и адаптации личности в системе гендерных ролей в контексте дошкольного возраста и средней школы. Изучение гендерной проблематики в условиях высшей школы у русскоязычных ученых-гуманитариев выстраивается иначе. Основным постулатом закладывается тезис о том, что у студентов (возрастная группа 17-25 лет) гендерная идентичность в целом оформилась, и предполагается, что молодые люди концентрируют внимание на собственном представлении о гендере. Сама категория приобретает эмоционально-ценностную окраску и, если так можно выразиться, реализуется в прикладном аспекте, поскольку ключевой проблемой этого возраста становится выстраивание личностной жизненной стратегии. В этой связи предметное поле исследований (по большей степени социально-психологических) охватывает досуговые, профессиональные и иные предпочтения гендерных групп студентов, а также социальные и культурные механизмы, определяющие эти предпочтения [2, 4, 6, 17, 24].

Серьезную группу представляют авторы: О.А. Воронина, Е.Р. Ярская-Смирнова, А.В. Смирнова, И.В. Брылина, И.А. Бредникова, Н.А. Сухорукова, М.В. Бояркина, Л.И. Столярчук, Л.В. Штылева и др. [5, 7, 16, 18, 19, 25, 26], – поднимающие проблему «скрытого учебного плана». Исследование образовательного пространства, в том числе и вуза, в свете подобной логики предлагает поиск фактов и механизмов гендерной асимметрии. Анализируется содержательная сторона учебной литературы, структура самой организации, взаимодействие субъектов образовательного процесса, спектр научных и учебных предпочтений студентов. Результаты работы этой группы представлены в особого рода текстах. Во-первых, авторы текстов, созданных более десятилетия назад, оперировали терминоидами, а иногда и идеологемами, ситуация, кстати, и сейчас, надо признать, оказывается полностью не разрешенной: ведь дискуссии вокруг концептуализации феноменов, связанных с гендером, продолжаются до сих пор. Данное обстоятельство способствует смешению научных фактов и оценочных суждений. И, во-вторых, данная группа авторов была нацелена в первую очередь на возможность практического применения результатов исследований в «борьбе» с социальной несправедливостью, в свете чего

отдельные идеи выглядят специфическими. Однако результаты этих изысканий носят концептуальный, системный характер, поскольку нацелены на создание и внедрение гендерной стратегии в общественное сознание через систему образования. Под гендерной стратегией ими понимается комплекс мер, которые бы способствовали преодолению гендерного дисбаланса. Механика преодоления описывается как трансформация гендерно-нейтрального пространства учебного заведения в гендерно-чувствительное. В центре подобного рода исследований (преимущественно психолого-педагогического характера) помимо указанного выше находится генерирование данных об уровне осведомленности учащихся о социальной обусловленности многообразия гендерных ролей, а также выявление соответствия индивидуальных учебных планов карьерным экспликациям респондентов.

Перейдем к зарубежным исследованиям проблем «гендер и образование», «гендер и университет». Заявленная проблематика расценивается традиционной для европейской и североамериканской мысли, однако за последние 15 лет резко возрос интерес к проблеме и среди азиатских авторов. В целом спектр рассматриваемых вопросов коррелирует с отечественными исследованиями. Выделяется группа авторов, рассматривающих гендерные представления в свете логики организации внутришкольного и внутривузовского пространства [10, 37, 38]. Самым весомым корпусом текстов являются работы, посвященные изучению социальных реалий; пафос этой группы – выявление проблемных зон, преимущественно связанных с дискриминацией. В центре внимания оказывается маргинальное положение женщин и представителей квир-сообществ, а также гендерные стереотипы и барьеры, мешающие осуществлению жизненных стратегий представителей означенных групп [10, 27, 39]. Образовательное пространство полагается как повседневная практика воспроизводства традиционных представлений о феминном и маскулинном. В целом исследователи приходят к неутешительным выводам. Во-первых, образовательная среда (и вуза в том числе) практикует различные формы латентной, «тонкой» дискриминации [10, 30, 33]. Учащиеся крайне редко сталкиваются с открытыми актами сексизма, но такие обыденные нарушения, как игнорирование, высмеивание или неравное отношение по фенотипу, отмечаются массово. Во-вторых, образовательная система – мощнейший сегрегационный механизм, идеологически сортирует профессиональную и научную среды именно по фенотипу [28, 29, 34, 36].

Выше рассматривались англоязычные авторы, но, как известно, очень серьезные достижения в области решения гендерной проблематики имеются в Германии. Если кратко, в центре стоит проблема трансгендеров и сложности восприятия подрастающим сознанием таких форм, как «не-гегемонная», «не-доминантная» маскулинность. При этом акцент делается на сложность среды (поликультурной, полирелигиозной), в которой осуществляется процесс идентификации молодежи. Однако ситуация усугублена, по мнению немецких исследователей, бессознательными внутриличностными конфликтами у преподавательского состава, теряющегося в многообразии идентичностей. Особую проблемную зону составляют асексуалы, не вписывающиеся в гендерно маркированную среду. Особняком стоят тексты, озвучивающие стратегии преодоления гендера и ратующие за идеи возврата к полу – здесь акцент делается на политической ангажированности и неорганичности для национально-культурной среды понятия «гендер» [35].

Материалы и методы

Так или иначе все исследователи исходят из единого тезиса, а именно: человечество вступило в новую фазу развития, и перед ним стоит проблема сохранения и(или) трансформации модусов существования такой формы жизни, как человек. Классическая мысль (культура) исходила из базовой бинарности человеческой природы и социального порядка, уходящей корнями в понятие «пол», неклассическая парадигма развивала идею неоднородности и множественности гендерного самоопределения человека, постклассическая поставила вопрос о нейтрализации ключевой характеристики человеческого. Где лучше всего можно отслеживать тектонические сдвиги в общественном сознании? Совершенно справедливо, на наш взгляд, предметом исследования здесь положить именно повседневные социальные практики как среду, где функционирует общественное сознание, но артикулирует себя неосознанно. Одной из таких практик является образование – мостик, связывающий различные поколения-эпохи и обозначающий векторы перспективного развития социума. Образование – это та сфера обыденности, где посредством деятельности и речевых актов осуществляется манифестация чистых экзистенциалов.

Объектом социологического исследования студенчество (учащаяся молодежь) было выбрано и по другим причинам. Данная социально-демографическая группа, во-первых, относится к категориям населения, наиболее подверженным влиянию социума [14], во-вторых, характерными чертами молодежи традиционно считается максимализм, присутствие в действиях и оценках черт радикализма [12], и, в-третьих, молодежь может рассматриваться в качестве своеобразной модели будущего, некой экспериментальной площадки, где вызревают и «обкатываются» возможные сценарии развития общества. Говоря иными словами, сознание молодежи подвижно, открыто для инноваций и жаждет усовершенствовать мир, преодолеть границы, уничтожить несправедливость. В этой связи вполне правомерно выглядит тезис о том, что если общество готово к изменениям и в нем назрели противоречия, то молодежная среда максимально остро отразит проблемные точки, обозначив вектор изменений как нельзя лучше.

Заметим, что фокус нашего исследования предельно акцентировался на пространстве вуза. Нас интересовало влияние, которое оказывает (или способна оказывать) академическая среда на репрезентативные практики гендера. Такая черта университета, как корпоративность, предписывает ему требование создать и поддерживать особую атмосферу, необходимую для развития науки, а именно: культивацию свободомыслия и условий для свободного обмена мнениями [20, с. 6]. В этой связи мы предполагали, что университет максимально работает на преодоление барьеров эксклюзии (расовой, гендерной, нозологической и т.д.), упрочивает социальную сплоченность и оживляет социальную динамику [32, с. 9].

В свете всего вышесказанного в основание исследования нами была заложена следующая гипотеза: коммуникативное пространство российского вуза мало чувствительно к полу и гендеру, более того, сама идеология свободного обмена мнениями, практикуемая в стенах университетов, может рассматриваться как стратегия нейтрализации феминного и маскулинного при решении учебных и профессиональных задач. Последнее, что здесь необходимо пояснить: низкая степень чувствительности или гендерная нейтральность не закладывается как положительная или отрицательная характеристика пространства вуза и тех стратегий межличностной коммуникации, которые выстраивают современные

российские студенты. Приступая к исследованию, мы полагали, что современное студенчество имеет склонность выносить гендерные характеристики «за скобки» как в самопрезентации, так и в отношении восприятия других участников коммуникации в вопросах, касающихся учебы и профессиональной подготовки.

Результаты

Теперь перейдем к структуре и содержанию анкеты. В связи с тем, что цель и задачи нашего исследования отличны от проводившихся коллегами в других вузах, мы разработали свою анкету. Вопросы в анкете не сгруппированы по блокам, а расположены разрозненно для достижения большей объективности в ответах. Тематических групп вопросов в анкете выделяется пять: 1 и 2 группа содержит вопросы, связанные с общей и половой идентификацией респондентов; 3 блок посвящен установлению частотности артикуляции социальными агентами норм гендерного поведения, а также фактов нормирования поведения мужчин и женщин; 4 раздел, содержащий самое большое количество вопросов, имеет целью выявить степень комфортности респондентов при использовании гендерных характеристик в отношении участников коммуникативных актов; оптика 5 группы вопросов целиком и полностью сосредотачивается на гендерном поведении в пространстве высшей школы. Рассмотрим каждый блок подробнее, но формат статьи не позволяет нам детализировать нюансы, поэтому мы предлагаем лишь концептуальный обзор содержания анкеты и первичный анализ результатов исследования.

Итак, блок 1 позволил нам собрать информацию о половой принадлежности анкетированных, их возрасте и времени, которое они проводят в университете. Анализ данного блока позволил нам получить следующие данные. В опросе приняло участие 413 студентов из трех вузов: Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского и Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. Из опрошенных не дало сведений о своей половой принадлежности четверо (1%), 141 опрошенный – мужчины (34,1%), 268 опрошенных – женщины (64,9%). Возрастная дифференциация участников опроса следующая: не указали свой возраст – 5 (1,2%), 17 лет – 16 (5,1%), 18 лет – 179 (43,3%), 19 лет – 129 (31,2%), 20 лет – 49 (11,9%), 21 год – 23 (5,6%), 22 года – 10 (2,4%), 23 года – 2 (0,5%). На вопрос: «Сколько времени вы проводите в университете (в часах ежедневно)?» не дали ответа 13 человек (3,1%), проводит по 2 часа в день – 1 человек (0,2%), 3 часа – 29 (7%), 4 часа – 41 (9,9%), присутствуют в вузе по 5 часов – 125 респондентов (30,3%), 6 часов – 103 (24,9%), 7 часов – 61 (14,8%), 8 часов – 29 (7%), 9 часов – 8 (1,9%), 10 часов – 3 (0,7%).

Второй блок, как говорилось выше, содержал вопросы, нацеленные на выяснение понимания анкетированными особенностей приемлемого для мужчин и женщин поведения и оценку молодежью идей гендерного равенства в случае констатации такового. Здесь же затрагивались темы формирования половой самоидентификации посредством различных агентов и сопоставление значимости последних в сравнении с ролью высшей школы. Примером могут служить следующие вопросы и данные полученные по ним. «Согласны ли вы с утверждением, что существуют профессии/специальности только для женщин?». На этот вопрос 6 человек не дали ответа (1,5%), 208 человек ответили утвердительно (50,4%), 117 – ответили отрицательно (28,3%), 82 – затруднились с ответом (19,9%). На вопрос «Считаете ли Вы наличие предписаний: вести себя в соответствии со своим полом

Social philosophy

(мужчинам – мужественно, женщинам – женственно) – нормальным явлением?» 5 респондентов не дали ответа (1,2%), 278 человек – ответили утвердительно (67,3%), 91 – ответили отрицательно (22%), 39 – затруднились с ответом (9,4%).

Следующий раздел, логичное продолжение предыдущего, зондировал сознание опрашиваемых на предмет проявлений мужского и женского в различных социокультурных практиках, а также выявлял готовность современной студенческой молодежи поддержать аннигиляцию гендерных ролей и степень солидарности идеям нейтрализации гендерной асимметрии. Особый интерес для нас представлял, в частности, такой вопрос: «К кому, по вашему мнению, к мужчинам или к женщинам, предъявляется больше требований со стороны общества?». Ответы на него распределились следующим образом: 6 (1,5%) человек не дали ответа, 142 (34,4%) считают, что больше требований предъявляется к мужчинам, а 92 (22,3%) опрошенных – что к женщинам, немногим больше 40% (173 человека) полагает, что общество одинаково относится к обоим полам. На вопрос, «случалось ли Вам наблюдать, как кому-то указывали на поведение, не соответствующее нормативному для его/ее пола? (обвиняли девушек)», положительный ответ дали около 78% респондентов: иногда сталкивались с подобным – 264 (63,9%), постоянно наблюдают подобное – 64 (15,5%), а вариант «никогда не сталкивались с подобным» указали только 59 человек (14,3%). Тот же самый вопрос, конкретизированный по юношам дал фактически те же результаты: никогда не сталкивались с подобным – 59 (14,3%), иногда сталкивались с подобным – 275 (66,6%), постоянно наблюдают подобное – 45 (10,9%).

Естественно, мы не могли обойти стороной конструирование идеальных типов феминного и маскулинного. Опрашиваемым было предложено составить портреты образцовых мужчин и женщин из предложенного списка. Топовыми качествами (берем первые три) идеальной женщины были названы ум – 181 (43,8%), красота – 147 (35,6%), отзывчивость – 12 (2,9%), не дали ответа 55 опрашиваемых (13,3%); в отношении идеального мужчины ситуация такая: ум – 244 (59,1%), сила – 50 (12,1%), чувство юмора – 28 (6,8%), нет ответа у 48 респондентов (11,6%).

Четвертый раздел анкеты должен был отразить собственно социальный опыт анкетируемых: выявить частотность конфликтных ситуаций по гендерному признаку в жизни респондентов, частично вскрыть причины возникновения конфликтов, обозначить наиболее проблемные зоны во взаимоотношениях мужчин и женщин. Вопросы призваны были показать не только констатацию гендерных социальных норм, но и бытование тех или иных стереотипов поведения на уровне обыденного сознания и степень солидарности с таковыми. К этому блоку относится вопрос: «Сталкивались ли Вы с фактами предвзятого отношения по признаку пола в других (кроме университета) сферах Вашей жизни?». Выяснилось, что сталкивались на работе – 22 человека (5,3%), сталкивались в семье – 31 из опрошенных (7,5%), сталкивались в кругу друзей (знакомых) – 140 респондентов (33,9%), вообще не сталкивались – 205 человек (49,6%).

Отметим результаты ответа на вопрос «Существуют ли такие темы, о которых можно рассказать только представителям своего пола?». Однозначно признают существование таковых 340 опрошенных (82,3%), а категорично отрицают наличие таковых 62 человека (15%).

Интересны ответы на следующий вопрос анкеты: «К кому бы Вы обратились за физической помощью (при прочих равных условиях)?». Обратились к женщине – 17 (4,1%), обратились к мужчинам – 254 (61,5%), не видят принципиальной разницы – 131 из опрошенных (31,7%). В ситуации необходимости прибегнуть к помощи в учебных/рабочих делах раскладка несколько иная: обратились к женщине – 53 (12,8%), обратились к

мужчинам – 25 (6,1%), не видят принципиальной разницы – 322 (77,9%). За эмоциональной/психологической поддержкой – вариация следующая: обратились бы к женщине – 133 (32,2%), обратились к мужчинам – 23 (5,6%), не видят принципиальной разницы – 242 (58,6%).

И последний блок вопросов касался анализа гендерного поведения в высшей школе. Здесь нас интересовало то, в какой степени вертикальные каналы коммуникации отличны в логике своего построения от горизонтальных каналов в свете гендерной тематики. Кроме того, на повестке стояла проблема, каким образом проявляется гендерная асимметрия в пространстве вуза и, самое главное, каково самочувствие нижегородского студенчества в гендерно окрашенном пространстве вуза (в случае если оно респондентом таковым характеризовалось). На вопрос «Можно ли сказать, что неравное отношение по половому признаку в вузе проявляется чаще по сравнению с другими сферами вашей жизни?» затруднились с ответом – 129 (31,2%), 42 человека (10,2%) считают, что в вузе неравное отношение встречается чаще, 97 (23,5%) – не видят разницы по сравнению с другими сферами общественной жизни, а 145 (35,1%) ответивших полагают, что в вузе неравное отношение встречается реже. Как оказалось, половая принадлежность преподавателя не имеет значения для 303 респондентов (73,3%), а вот для 56 опрошенных (13,6%) гораздо комфортнее воспринимать преподавателя своего пола и для 50 опрошенных (12,1%) – противоположного.

Касательно фактов неравного отношения участников коммуникации по половому признаку, с которыми респондентам пришлось столкнуться в вузе, были получены следующие результаты: 183 человека (44,3%) отметили, что в университете активно практикуются шутки, связанные с поведением того или иного пола, 35 опрошенных (8,5%) отметили наличие ситуаций умышленного разделения по полу при решении профессиональных и учебных задач, а 33 человека (8%) констатировали факты неравновесной оценки мнений и интересов одного пола по сравнению с другим, 54 анкетированных (13,1%) указали случаи завышения/занижения требований преподавателей к способностям (умственным, физическим и др.) студентов того или иного пола, 39 (9,4%) обозначили, что имеют место и другие формы латентной дискриминации. Интересные результаты были получены на вопрос о наличии неравного отношения преподавателей к учащимся своего и противоположного пола. Так, 73 опрошенных (17,7%) заявили, что были свидетелями ситуаций, в которых преподаватели женщины дискриминировали девушек, 36 человек (8,7%) отметили притеснение девушек со стороны преподавателей мужчин; в отношении юношей фактов неравного отношения по полу отмечено несколько меньше: на факты притеснения со стороны преподавателей женщин указало 4,4% опрошенных, со стороны преподавателей мужчин юноши подвергались дискриминации в глазах 3,9% респондентов. При этом 240 человек, что составляет 58,1%, категорически отвергли существование гендерной асимметрии в стенах университета.

И последний вопрос, на котором мы заострим внимание: «Можно ли сказать, что неравное отношение по половому признаку в вузе проявляется чаще по сравнению с другими сферами вашей жизни?». Были получены следующие результаты по этому вопросу: 129 респондентов (31,2%) затруднились с ответом, 42 (10,2%) считают, что в вузе гендерная асимметрия проявляется чаще; не видят различия с другими сферами 97 респондентов (23,5%), а 145 человек (35,1%) признали, что вуз – это свободная в гендерном отношении среда, где не наблюдается ситуаций неравного отношения.

Обсуждения и заключения

Как видим, результаты исследования далеко не однозначны. Мы можем уверенно констатировать, что гипотеза, заложенная в основание исследования, оказалась слишком смелой и преждевременной: российский вуз не может быть охарактеризован как гендерно-нейтральное пространство. Конструирование идеальных типов феминного и маскулинного респондентами и в целом поддержание студентами нормативных претензий общества к женскому и мужскому поведению (50% и 70% соответственно констатируют и поддерживают традиционное деление на мужские и женские позиции в профессиональной сфере) – эти моменты свидетельствуют о сохранении преимущественно традиционных взглядов на гендерные роли. Конечно, среди полученных результатов есть отдельные факты, свидетельствующие в пользу того, что стереотипы могут меняться (например, ключевая характеристика феминного, по представлению нижегородских студентов, ум, в то время как традиция закрепляла ум за мужским в культуре). Сюда же следует отнести результат ответа на вопрос об обращении за помощью: за мужским однозначно закреплено лидерство только по параметру «физическая сила», а вот помощь, поддержка в учебе и эмоционально-психологической сфере как бы оказывается «по ту сторону» пола. Однако в целом результаты исследования не позволяют утверждать, что гендерное равноправие в российском социокультурном пространстве (в том числе и в университете) свершившийся факт. Это первое, что хотелось бы отметить.

Второе: обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие вопросы в анкете оказались затруднительными для ответа респондентов. Так, на вопрос «Какие формы неравного отношения можно встретить в вузе?» не дали ответа 69 человек (16,7%); на вопрос о том, насколько университет свободен от действия гендерных стереотипов и проявлений асимметрии, затруднились с ответом 129 человек, а это 31,2% (!). Необходимо признать, что в среднем на вопрос анкеты таких затруднившихся приходится 8-9%. Данное обстоятельство может иметь несколько объяснений.

Во-первых, это может означать несформированность гендерной идентичности. Это предположение выглядит достаточно обоснованным в той связи, что около 48% опрошенных составляют студенты до 18-ти лет включительно, предположительно первокурсники. Кстати, этот факт частично объясняет и затруднения в оценке собственно вузовского пространства на предмет гендерной асимметрии в сравнении с другими социокультурными практиками.

Во-вторых, это может являться практиками вуалирования, замалчивания проблемы, и у подобного рода техник есть минимум два объяснения. Объяснение первое: уход от ответа в данном случае стоило бы трактовать как стратегии ускользания: не хотим обозначать, педалировать проблему, поскольку не знаем, в каком направлении ее стоило бы решать. Обычно такое происходит, если общество вошло в проблему, но не готово к осмыслению и концептуализации опыта. Объяснение второе: отсутствие ответа на вопрос означает умышленное избегание или сопротивление. Видим проблему, но варианты ее решения не устраивают, поэтому будем бойкотировать предлагаемые сценарии. (Примечательно, что в ходе опроса были отмечены случаи агрессивной реакции на содержание анкеты со стороны девушек).

В-третьих, отсутствие ответов констатирует некоторую рассогласованность содержания социальных практик и заявляемых программ гендерного равенства, с одной стороны, и тенденций, конструируемых в общественном сознании в данный исторический

момент, – с другой. Иными словами, гендеризация на феноменальных уровнях «обкатку» не прошла, поэтому российское общество разрабатывает сценарии отката к традиции.

И в-четвёртых, опрашиваемые вообще не понимают суть вопроса, т.е. они не видят проблему как таковую: в их персональном мире нет гендерной борьбы, противостояний, притеснения, а мужское и женское сосуществуют органично и гармонично, что, с нашей позиции, бессознательно опровергает ответ на вопрос о возможности обсуждения отдельных тем по фенотипу. Когда абсолютное большинство опрошенных соглашается с наличием таких тем, мы вынуждены признать, что студенческое сообщество пролонгирует гендерную сегрегацию. Сюда же следует отнести отсутствие корреляции в ответах на смежные вопросы, например: 205 человек заявили, что никогда не сталкивались с проявлением гендерной асимметрии, но в ответах на вопрос об общественном нормировании гендерного поведения уже 338 респондентов освидетельствовали этот факт.

Итак, частичное опровержение исходной гипотезы исследования, оформление посредством первичного анализа проблемных зон феноменального уровня поставило требование поиска нового перспективного методологического ориентира. Корректировка формулировок вопросов анкеты должна быть дополнена обращением к качественным методам и методам феноменологической социологии, которые максимально акцентуализируют тему формирования гендерно окрашенных фреймов и концептов, составляющих жизненный мир личности.

Список используемых источников

1. Авдулова Т.П. Гендерная социализация и структура общения в отрочестве // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. №5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.07.2018).
2. Андронникова О.В., Ветерок Е.В., Беззубова Н.С. Гендерный подход к формированию универсальных компетенций в воспитательном пространстве вуза // Сибирский педагогический журнал. 2016. №6. С. 7-13.
3. Апокин В.В., Повзун В.Д., Повзун А.А., Усаева Н.Р. Полоролевая социализация современных подростков и юношества и ее гендерные особенности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. №5-1. С. 121-126. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9197> (дата обращения: 31.07.2018).
4. Бояркина М.В. Гендерно-ролевая социализация как фактор воспитания личности студента в образовательном процессе вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2007.
5. Брылина И.В., Бердникова И.А. Гендерный подход в образовательном процессе // Вестник Северо-Восточного Федерального Томского политехнического университета им.М.К. Аммосова. 2008. №6. С. 127-131.
6. Гендерные ценности в XXI веке: материалы XIII Международных гендерных чтений «Гендерные трансформации в современном мире» (Ростов-на-Дону, 25 марта 2016 г.) / под науч. ред. Л.А. Савченко. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2016.
7. Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / под ред. О.А. Ворониной. М.: РОО МЦГИ – ООО «Солтэкс», 2005.
8. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание детей. Л.: Медицина, 1988.
9. Клецина И.С. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания. URL:

- https://womaninrussiansociety.ru/wpcontent/uploads/2013/11/2013_2_klecina.pdf (дата обращения: 15.07.2018).
10. Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
 11. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М.: АСТ, 2017.
 12. Маликова Е.В. Молодежь как объект социологических исследований // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №5-1. С. 74-75 URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=7489> (дата обращения: 30.07.2018).
 13. Сабунаева М.Л., Гусева Ю.Е. Гендерный подход в практике школьного психолога // Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. С. 369-381.
 14. Сергеев Р.В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. №1. URL: <https://vivliophica.com/articles/sociology/498028> (дата обращения: 01.06.2018).
 15. Скотт Д. Гендер: полезная категория анализа // Гендерные исследования. 2000. №5. С.142-171.
 16. Смирнова А.В. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников. М.: Оолита, 2005.
 17. Столярчук Л. И. Методология гендерного подхода в педагогическом исследовании // Язык педагогики в контексте современного научного знания: материалы Всероссийской методологической конференции-семинара / гл. ред. В.В. Краевский. Волгоград; Краснодар; Москва, 2008.
 18. Сухорукова Н.А. Реализация гендерного подхода в образовательной практике технического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2012. №2. С. 155-158.
 19. Сухорукова Н.А. Результаты гендерного анализа образовательного процесса технического вуза // Вестник ДГТУ. 2012. №8. С. 140-146.
 20. Томсинов В.А. Роль Университа в жизни общества // Этнос и право. 2016. №1.
 21. Ульянов В.А. Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности// Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2012. №2. С158-171.
 22. Харауэй Д. Антропоцен, Капиталоцен, Плантаиоцен, Ктулуцен: создание племени // Художественный журнал. 2016. №99. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/771> (дата обращения: 30.07.2018).
 23. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017
 24. Шевченко Я.Ю. Гендерные особенности ценностных ориентации вуза // Концепт. 2013. №7. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13146.htm> (дата обращения: 10.07.2018).
 25. Штылева Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М., 2008.
 26. Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М., 2001. С. 93-111.
 27. Basow S.A. Gender: stereotypes & roles. Pacific Grove, California: Brooks, Cole Publishing Company, 1992. Pp. 4–11 Available at: https://www.researchgate.net/publication/31663793_Gender_stereotypes_and_roles_SA_Basow (accessed: 30.07.2018).

28. Nosek B.A., Smyth F.L. National differences in gender–science stereotypes predict national sex differences in science and math achievement // PNAS. 2009. Vol. 106, no. 26. Pp. 10593-10597. DOI: doi.org/10.1073/pnas.0809921106
29. Barreto M., Ellemers N. The burden of benevolent sexism: how it contributes to the maintenance of gender inequalities // European Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 35, issue 5. Pp. 633-642. Available at: <http://www.manuelabarreto.com/docs/Barreto%20&%20Ellemers%202005%20EJSP.pdf> (accessed: 30.07.2018).
30. Maccoby E.E. The Two Sexes: Growing Up Apart, Coming Together. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
31. McConkey M. Why we should stop using the term «Gender» // Quillette. 2017. Vol. 5. Available at: <https://quillette.com/2017/05/12/stop-using-term-gender/> (accessed: 30.07.2018).
32. Ritzen Jo. A Chance for European Universities Or: Avoiding the Looming University Crisis in Europe. Amsterdam, 2009.
33. Sarrasin O., Mayor E., Faniko K. Gender Traits and Cognitive Appraisal in Young Adults: The Mediating Role of Locus of Control // Sex Roles A Journal of Research. 2014. Vol 70, issue 3-4. Pp. 122-133. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11199-013-0336-6> (accessed: 30.07.2018).
34. Shelley J. Correll. Constraints into Preferences: Gender, Status, and Emerging Career Aspirations // American Sociological Review. 2004. Vol. 69, no. 1. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/000312240406900106> (accessed: 30.07.2018).
35. Schutzbach F. Gender raus. Berlin: Ruksaldruck, GmbH & Co., 2017
36. Sheppard L. Gender Differences in Leadership Aspirations and Job and Life Attribute Preferences among U.S. Undergraduate Students // Sex Roles A Journal of Research. 2018. Vol. 79, no. 9-10. Pp 565-575. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0890-4>
37. Thorne B. Gender Play. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1993.
38. Thorne B. Girls and Boys Together. But Mostly Apart. Gender Arrangements in Elementary Schools // Hartup W., Rubin Z. (eds) Relationships and Development. Hillsdale, N.J.: Lawrence, Erlbaum, 1989. Pp. 167-182.
39. White A.E., Moeller J., Ivcevic Z. et al. LGBTQ Adolescents' Positive and Negative Emotions and Experiences in U.S. High Schools // Sex Roles A Journal of Research. 2018. Vol 79, no.9-10. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0885-1>

References

1. Avdulova T.P. Gender socialization and the structure of communication in adolescence. *Psichologicheskie issledovaniya: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal*, 2009, no. 5(7). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 15.07.2018). (In Russ.)
2. Andronnikova O.V., Veterok E.V., Bezzubova N.S. Gender approach to the formation of universal competences in the educational space of the university. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 2016, no. 6, pp. 7-13. (In Russ.)
3. Apokin V.V., Povzun V.D., Povzun A.A., Usaeva N.R. Polorolevaya Sex role socialization of modern adolescents and youth and its gender features. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 2016. no 5-1. pp. 121-126. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9197> (accessed: 31.07.2018). (In Russ.)

Social philosophy

4. Boyarkina M.V. Gender-role socialization as a factor in the upbringing of the student's personality in the educational process of the university: the author's abstract of the dissertation of the candidate of pedagogical sciences. Chita, 2007. (In Russ.)
5. Brylina I.V., Berdnikova I.A. Gender approach in the educational process. *Vestnik Severo-Vostochnogo Federal'nogo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta im.M.K. Ammosova*, 2008, no.6, pp. 127-131. (In Russ.)
6. Gender values in the XXI century: materials of the XIII International Gender Readings "Gender Transformations in the Modern World" (Rostov-on-Don, March 25, 2016) / under scientific. ed. L.A. Savchenko. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2016. (In Russ.)
7. Gender examination of textbooks for higher education / ed. O.A. Voroninoy. Moscow, ROO MCGI – OOO «Soltehs» Publ., 2005. (In Russ.)
8. Isaev D.N., Kagan V.E. Sex education of children. Leningrad, Medicina Publ., 1988. (In Russ.)
9. Klecina I.S. The current state and prospects of research on gender relations in the field of sociological and psychological knowledge. Available at: https://womaninrussiansociety.ru/wpcontent/uploads/2013/11/2013_2_klecina.pdf (accessed: 15.08.2018). (In Russ.)
10. Konnell R. Modern approaches. *Hrestomatiya feministskih tekstov: perevody / pod red. E. Zdravomyslovoj, A. Temkinoy*. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2000. (In Russ.)
11. Kon I.S. The boy is the father of a man. Moscow, AST Publ., 2017. (In Russ.)
12. Malikova E.V. Youth as an object of sociological research. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 2015, no. 5-1. pp. 74-75. Available at: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=7489> (accessed: 30.07.2018). (In Russ.)
13. Sabunaeva M.L., Guseva YU.E. Gender approach in the practice of school psychologist. *Praktikum po gendernoj psihologii / pod red. I.S. Klecinoy*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003, pp. 369-381. (In Russ.)
14. Sergeev R.V. Youth and students as social groups and an object of sociological analysis. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, 2010, no.1. Available at: <https://vivliophica.com/articles/sociology/498028> (accessed: 01.06.2018). (In Russ.)
15. Skott D. Gender: a useful category of analysis. *Gendernye issledovaniya*, 2000, no. 5, pp. 142-171. (In Russ.)
16. Smirnova A.V. Learning to live in society. Gender analysis of school textbooks. Moscow, Oolita Publ., 2005. (In Russ.)
17. Stolyarchuk L.I. Methodology of gender approach in pedagogical research. *Yazyk pedagogiki v kontekste sovremennogo nauchnogo znaniya: materialy Vserossijskoj metodologicheskoy konferencii-seminara / gl. red. V.V. Kraevskij*. Volgograd; Krasnodar; Moccow, 2008. (In Russ.)
18. Suhorukova N.A. Implementing a gender approach in the educational practice of a technical university. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2012, no. 2, pp. 155-158. (In Russ.)
19. Suhorukova N.A. The results of gender analysis of the educational process of a technical college. *Vestnik DGTU*, 2012, no.8, pp. 140-146. (In Russ.)
20. Tomsinov V.A. The role of the University in the life of society. *Ehtos i prav*, 2016, no.1. (In Russ.)
21. Ul'yanov V.A. The post-gender characteristic of the virtual: the genesis of androgyny. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 2012, no.2, pp. 158-171. (In Russ.)

22. Harauehj D. Anthropocene, Kapitalocen, Plantaiocen, Ktuluzen: the creation of a tribe. *Hudozhestvennyj zhurnal*, 2016, no. 99. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/771> (accessed: 30.07.2018) (In Russ.)
23. Harauehj D. The Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism of the 1980s. Moscow, 2017. (In Russ.)
24. SHEvchenko YA.YU. Gender features of the value orientation of the university. *Koncept*, 2013, no.7. Available at: <http://e-koncept.ru/2013/13146.htm> (accessed: 10.07.2018). (In Russ.)
25. SHtyleva L.V. Sex factor in education: gender approach and analysis. Moscow, 2008. (In Russ.)
26. YArskaya-Smirnova E.R. Gender socialization in the education system: a hidden curriculum. *Odezhda dlya Adama i Evy: Ocherki gendernyh issledovanij*. Moscow, 2001. Pp. 93-111. (In Russ.)
27. Basow S.A. Gender: stereotypes & roles. Pacific Grove, California: Brooks, Cole Publishing Company, 1992. Pp. 4-11 Available at: https://www.researchgate.net/publication/31663793_Gender_stereotypes_and_roles_SA_Basow (accessed: 30.07.2018).
28. Nosek B.A., Smyth F.L. National differences in gender–science stereotypes predict national sex differences in science and math achievement. *PNAS*, 2009, vol. 106, no. 26, pp. 10593-10597. doi: doi.org/10.1073/pnas.0809921106
29. Barreto M., Ellemers N. The burden of benevolent sexism: how it contributes to the maintenance of gender inequalities. *European Journal of Social Psychology*, 2005, vol. 35, issue 5, pp. 633-642. Available at: <http://www.manuelabarreto.com/docs/Barreto%20&%20Ellemers%202005%20EJSP.pdf> (accessed: 30.07.2018).
30. Maccoby E.E. The Two Sexes: Growing Up Apart, Coming Together. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
31. McConkey M. Why we should stop using the term «Gender». *Quillette*, 2017, vol. 5. Available at: <https://quillette.com/2017/05/12/stop-using-term-gender/> (accessed: 30.07.2018).
32. Ritzen Jo. A Chance for European Universities Or: Avoiding the Looming University Crisis in Europe. Amsterdam, 2009.
33. Sarrasin O., Mayor E., Faniko K. Gender Traits and Cognitive Appraisal in Young Adults: The Mediating Role of Locus of Control. *Sex Roles A Journal of Research*, 2014, vol. 70, issue 3-4, pp. 122-133. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11199-013-0336-6> (accessed: 30.07.2018).
34. Shelley J. Correll. Constraints into Preferences: Gender, Status, and Emerging Career Aspirations. *American Sociological Review*, 2004, vol. 69, no. 1. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/000312240406900106> (accessed: 30.07.2018).
35. Schutzbach F. Gender raus. Berlin: Ruksaldruck, GmbH & Co., 2017.
36. Sheppard L. Gender Differences in Leadership Aspirations and Job and Life Attribute Preferences among U.S. Undergraduate Students. *Sex Roles A Journal of Research*, 2018, vol. 79, no. 9-10, pp 565-575. doi: <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0890-4>
37. Thorne B. Gender Play. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1993.
38. Thorne B. Girls and Boys Together. But Mostly Apart. Gender Arrangements in Elementary Schools. *Hartup W., Rubin Z. (eds) Relationships and Development*. Hillsdale, N.J.: Lawrence, Erlbaum, 1989. Pp. 167-182.

Social philosophy

39. White A.E., Moeller J., Ivcevic Z. et al. LGBTQ Adolescents' Positive and Negative Emotions and Experiences in U.S. High Schools. *Sex Roles A Journal of Research*, 2018, vol. 79, no. 9-10. doi: <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0885-1>

© Бабаева А.В., Шляхов М.Ю., 2018

Информация об авторах

Бабаева Анастасия Валентиновна – доцент кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: dff1890@yandex.ru

Шляхов Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: mik-shlyakhov@yandex.ru

Information about the authors

Babaeva Anastasia Valentinovna – Chair of Philosophy and Social Sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, Associate Professor, email: dff1890@yandex.ru

Shlyahov Mikhail Yurievich – PhD in History, docent, docent of the Department of Russian history and auxiliary historical sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhni Novgorod, Russian Federation, e-mail: mik-shlyakhov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 29.09.2018

Принята к публикации: 07.11.2018

Опубликована: 01.12.2018